

Александр Иванович Куприн

Барри

Александр Куприн

Барри

«Public Domain»

1931

Куприн А. И.

Барри / А. И. Куприн — «Public Domain», 1931

«Париж сказочно велик. В сущности, это не один город, а двадцать отдельных городов, не считая множества пригородов, которые, постоянно разрастаясь, инстинктивно тянутся на слияние с центром. С уверенностью можно сказать, что нет ни одного человека на свете, который знал бы весь Париж...»

© Куприн А. И., 1931

© Public Domain, 1931

Александр Иванович Куприн Барри

Париж сказочно велик. В сущности, это не один город, а двадцать отдельных городов, не считая множества пригородов, которые, постоянно разрастаясь, инстинктивно тянутся на слияние с центром. С уверенностью можно сказать, что нет ни одного человека на свете, который знал бы весь Париж.

Так и я, ваш покорнейший слуга, никогда бы не удосужился посетить собачье кладбище, расположенное на зеленом островке, в Аньере, неподалеку от моста Клиши, если бы не печальный случай. На днях ночью в преддверии нашего дома умер наш старый (по кошачьему возрасту) милый и добрый кот Ю-ю, даривший девять лет и нашу семью, и близких наших знакомых своею деликатной, ласковой и теплой дружбой. За всю свою жизнь он никого не оцарапал и не огорчил, хотя в юношеские годы загрыз насмерть нескольких рыжих, крупных крыс, тех, что живут обыкновенно в грязных трубах канализации и отличаются силой и злобностью.

Конечно, не зазорно посмеяться иногда над чрезмерною сентиментальностью, особенно в наш деловой и черствый век. Но бывает сентиментальность простительная и почтенная. Я бы никогда не решился и подумать о том, чтобы можно было хладнокровно бросить в помойную яму тело усопшего друга или отправить его на салотопенный завод. Вот потому-то мы и отвезли холодные останки нашего Ю-ю на аньерское кладбище для животных.

Отворяется с тихим звонком железная калитка.

Лежавший около маленького домика могильщиков, медленно подымается старый, седомордый и бельmistый пес глиняного цвета. Он подходит к новоприбывшим, строго их обнюхивает и лениво возвращается на прежнее место. Рахитичная, замурзанная девочка лет трех-четырёх лазает по задворной куче, хромо переступая раскоряченными худенькими ножками. Из сторожки выходит женщина средних лет и тихо разговаривает с нами. У меня почему-то с детства сложилось предвзятое мнение о гробовщиках как о людях вовсе не печальных, склонных к юмору, к философии, к вину и по натуре грубоватых. Женщина, которая провожает нас, наоборот, тиха, приветлива, немногословна и участлива. Всем, чем можно: ласковостью голоса, приятною взора, чуть заметным покачиванием слегка склоненной головы, слабым вздохом, она как будто бы выражает нам свое маленькое, скромное сочувствие.

– Какой породы был ваш бедный, очаровательный кот?

Кладбище не велико. Прямая стрела дорожки прорезывает его посередине. Слева и справа восемь низеньких параллельных аллеек, уставленных маленькими памятниками из белого, розового и красного мрамора, из полированного песчаника разных цветов. Между могилами много зелени: мирты, лавры, сирень, боярышник и крошечные кустики осенних ярких цветов. Все здесь как-то мелко, миниатюрно. Не оттого ли, что людям мнится, будто души кошек и собак гораздо ничтожнее душ человеческих? Но вряд ли мысль о таком различии приходила когда-нибудь в голову творца.

Проходя медленно по аллеям кладбища, скоро добредешь до берега островка. Там крутой спуск вниз. Там сквозь тесные ветви и густые листья диких деревьев видна быстротекущая Сена, слышен ропот и плеск ее вод. Ничто другое не гармонирует так меланхолично с вечным покоем кладбища, как непрестанное, вечное журчание живой воды. И не оттого ли на аньерском кладбище собак и других животных стоит такая почтительная тишина? Никто не говорит, не курит, и улыбки так нежно-задумчивы.

На каждом надгробном монументе есть или скульптурный портрет, или высеченная надпись; чаще – и то и другое. Изваяния трафаретно изящны. Эпитафии трогательны, хотя – нечего греха таить – по большей части слащавы и чуть-чуть глуповаты. Но что поделаешь? Искусство кратких надписей есть самое трудное из искусств. «Тише! Мими не умер, а спит,

и он все слышит...», «Живые души не умирают. До свидания, мой маленький...», «Трезору, разделявшему со мною одиночество и нужду», «Прощай, Ки-ки, как тяжело возвращаться в опустелый дом...» Идут ряды возвышенных гиперболических эпитетов: «Несравненному», «Сладкому», «Единственному», «Восхитительному», «Незабвенному» – и так далее.

Когда вы входите на кладбище, ваше внимание невольно задерживает большой, высоко поставленный монумент. Уходя, вы непременно остановитесь перед ним еще на несколько минут.

На фоне скалистой горы стоит большой, мощный пес. Лоб его прорезан глубокой вертикальной морщиной. Взгляд пристальный и серьезный. Девочка-ребенок прильнула к собаке, обняла ее и радостно улыбается. Надпись на цоколе гласит:

«Барри, сенбернар. Спас жизнь сорока человекам. Был убит сорок первым».

Должен сказать, что о знаменитом Барри я услышал впервые около полвека тому назад и до сих пор не перестаю слышать его славное имя. Но подробности о его кончине мне совсем не известны, а в моем полном Ларуссе собака Барри не значится. Может быть, кто-нибудь из читателей «Иллюстрированной России» знает и сообщит нам?

Когда смотришь на монумент Барри и читаешь эту воистину прекрасную краткопись, то чувствуешь, как со всех памятников кладбища стирается все выпреннее, неуклюжее, домодельное, претенциозное и остаются только три старые слова: «Собака – друг человека».

Перед тем как уйти с кладбища, я справился в кабинке могильщиков об одном хорошо мне знакомом псе, похороненном здесь около года назад. Я не знал ни месяца, ни числа, ни кладбищенского номера. Знал его имя – Марс и фамилию его земных друзей – Гандельман. Могильщики быстро справились в большущих книгах и тотчас же дали мне точное указание. Над прахом милой, доброй собаки, немецкой овчарки, было скромно начертано:

«Наш Марс, о ком так горюем».

Этот Марс, помесь собаки с волком, приехавший в Париж из Петербурга через Швецию, был удивительным провидцем душ человеческих, знатоком парижских адресов. Я писал ему письма и гулял с ним по Булонскому лесу. Он хорошо знал меня. Отношения у нас были хорошие и спокойные. Он не любил собачьих нежностей, но при встречах мы радовались.

Вот теперь, когда я прихожу в его бывший дом и в его бывшую семью и надавливаю кнопку электрического звонка, то вдруг ловлю себя на беспокойной мысли:

«Чего-то нет, чего-то мне не хватает». И вдруг пойму:

«Ах! Не слышу я басистого Марсова голоса... И никогда я его не услышу...»